

“на сцене я как зомби”

Мариана Липовшек — Газете

Знаменитая певица Мариана Липовшек, муза множества великих дирижеров и режиссеров — Клаудио Аббадо, Герга Шолти, Вольфганг Заваллиша, прославилась не только как обладательница роскошного драматического меццо, но и как актриса. На Мюнхенском оперном фестивале она исполнила комическую роль миссис Куикли в «Фальстафе» Верди. С Марианой Липовшек встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Я уже видел вашу миссис Куикли в разноцветных мехах и шотландке и, надо сказать, много смеялся — сегодня собираюсь еще раз пойти на «Фальстафа», но на площадь, смотреть трансляцию на большом телеэкране вместе с народом...

Да я и сама хотела бы пойти на площадь. Это так здорово — «Опера для всех». Там столько жизни — люди сидят, пьют вино и реагируют ярче, чем в театре. Однажды я пела здесь Фрику в «Валькирии» — вся моя партия заканчивается в первой половине оперы. Так я разгримировалась и пошла слушать вторую половину на площадь — было фантастическое ощущение.

Актёрство в вас хлещет через край: даже не главные персонажи — Няня в «Женщине без тени», Фрика в «Валькирии», Брангена в «Тристане», Марина Мнишек — всегда в центре интриги. Многие режиссеры это даже подчеркивают. С детства мечтали о сцене?

Совершенно не мечтала. Я родилась в Любляне, в Словении, в очень музыкальной семье — мой отец довольно известный композитор и пианист, моя мама пела, но карьеру не сделала, поскольку нас было пятеро

Вот так сразу — после диплома и в Венскую оперу?

Да, там была студия молодых певцов при театре, я спела прослушивание, и они меня взяли. Год пробыла в студии, а потом получила контракт. Но все-таки по канонам Wiener Staatsoper я была еще слишком молода для центральных партий. И я поехала на три года в Гамбург. Потом Мюнхен. Я стала фрилансером, но дирижеры довольно быстро меня заметили. Сначала это был Арнонкур, потом Шолти, потом Аббадо и Мета — вот, собственно, список тех дирижеров, с которыми я работала больше всего. Только один русский дирижер, с которым я пела, был — Владимир Федосеев. Он замечательный музыкант.

Наверняка пели с ним Мусоргского?

Вот и нет, сначала это был концерт, а потом мы вместе пели... *(вспоминает сначала английский вариант, но потом машет рукой в мою сторону и произносит на чистом русском)* «Царскую невесту». Вы удивляетесь моему произношению? Я же из Словении, хотя признаюсь, сначала это было трудно и для меня, но со временем научилась — я ведь пою столько русской музыки! Больше всего люблю Мусоргского. Это Аббадо мне открыл глаза на него — у него особая любовь к Мусоргскому. Началось все с «Хованщины», потом был «Борис» в 1994-м, а потом снова и снова. А недавно я записала CD со всеми его песенными циклами, даже теми, которые женщины обычно не поют. Почти каждый мой концерт я пою что-то из Мусоргского. Даже «Песни и пляски смерти», которые я никогда не слышала в женском исполнении...

Ну как же, Вишневская пела, Архипова...

Да, но Вишневская пела их в оркестровой версии Шостаковича, которая была специ-

Азучена, миссис Куикли. Я как зомби. Поэтому я могу на сцене делать совершенно неожиданные для себя вещи — очень смешные или, наоборот, очень страшные. И если мне почему-то не нравится постановка, если я не понимаю логики происходящего (а такое сейчас бывает часто, хотя, вы знаете, я не консервативна), то у меня ничего не получается — не только играть не могу, петь не могу.

Ваш темперамент включается лишь для сцены или бывают и в жизни всевозможные всплески?

Ну, это лучше у мужа спросите... *(Смеется.)* Нет, я не самый легкий человек.

Бывает, что ведете себя как примадонна?

Знаете, бывает... Когда я в очень плохом настроении, а это чаще всего бывает тогда, когда процесс работы плохо организован, репетиция не начинается вовремя, кто-то опаздывает, или что-то в этом роде. В таких случаях я становлюсь нервной, поскольку мне всегда хочется работать на совесть... А так нет, никогда.

Расскажите немного, как вам работалось с Шолти.

Он был потрясающим. В нем было столько позитивной энергии, столько огня. С ним было так легко! Невероятный музыкант. Так грустно, что его больше нет с нами. Это было настоящее счастье — работать с ним.

Он был сложный человек?

С кем-то другим, возможно. Мне с ним всегда было легко. Наверное, он один из самых моих любимых дирижеров... До сих пор я чувствую, как мне тоскливо без него.

Что вам интереснее петь — большие роли с любовной интригой, вроде Далилы,

Мариана Липовшек: «Больше всего я люблю Мусоргского. Это Аббадо мне открыл глаза на него»

детей. Сначала я училась на фортепиано — года в четыре впервые села за рояль. Но оказалась довольно ленивой, и пианист-ки из меня не вышло. И в четырнадцать или пятнадцать лет я взяла курс на музыкальную педагогику.

Чтобы сразу учить... И что, правда хотелось?

Ну я же сейчас учу. Вы знаете, я вышла замуж за певца, который тоже очень известный педагог. Мы делаем летние мастер-классы в Зальцбурге, и уже три года я преподаю в Венском университете. Правда, там я веду только класс оратории и lied, а не оперы...

Так или иначе, к концу обучения в Любляне обнаружился мой голос, и я последовала совету педагогов и переехала в Австрию, чтобы учиться там заново. Получила диплом в Граце и сразу была приглашена в Венскую оперу.

ально для нее написана, а не под фортепиано. И потом это было довольно давно. А сейчас никто из женщин это не поет. А у вас так много сейчас появилось фантастических певцов, но... что-то они редко поют русскую оперу на Западе.

Вернемся к актерству — когда же вы почувствовали себя актрисой?

Только в Граце, в оперной студии, в которой был замечательный режиссер и педагог — он-то мне и показал, как здорово быть на сцене и не только петь, но и жить там всем своим телом, всем существом. Я на самом деле очень искренний человек — я не могу врать. Если я вру, это написано у меня на лбу.

И когда я на сцене, я делаю только то, что я по-настоящему чувствую. Это прозвучит банально, но роль, музыка овладевают мною. Я, как кукла, у нее на поводу: мой голос, мое тело — это уже не я, а Кармен,

Кармен или Амнерис, или роли с большей характерностью — Азучену в «Трубадуре», Фрику в «Кольце нибелунга» или Клитемнестру в «Электре» Штрауса?

Сейчас я больше не ощущаю себя Кармен или Далилой и, вероятно, не буду больше это петь. Сейчас я Азучена, Клитемнестра, Фрика — когда я появляюсь на сцене, возникает то самое ощущение актерской «зомбированности» ролью, но раньше такое было и с Далилой, и с Кармен.

Вы часто беретесь за комические роли?

У меццо-сопрано так на роду написано — либо они убивают кого-то в финале, либо их убивают. Их героини чаще всего властные, злые, ревнивые и жестокие. Поэтому я как-то стараюсь компенсировать смехом все эти чувства — потому я люблю петь Куикли или других комических персонажей.